

Валентин РАСПУТИН

РОССИЯ УХОДИТ У НАС ИЗ-ПОД НОГ...

ВЧЕРА, кажется, Валерий Рогов, говорил, что обстановку в нашей стране можно сравнить с 41-м годом. В связи с этим мне вспомнились слова А. Т. Твардовского:

Так-то, Теркин, так примерно...
Не поймешь, где фронт,
где тыл,
В отступление в 41-м
Хоть какой, но выход был.

Всякое случалось в российской действительности, но выход был в 41-м, был он и пять лет назад, в дни предыдущего съезда писателей России, когда не спуста в голос заговорили мы об опасности физического разорения России от государственного попустительства и ведомственного разбоя. Выход просматривался еще и вчера, когда десятки миллионов наших соотечественников, оставив работу, бросились на площади требовать правды, справедливости и благополучия, выкрикивая «Долой!» вслед за теми же самыми агитаторами, которые еще совсем недавно были дирижерами «Да здравствует!».

Всегда и во всех обстоятельствах оставался прежде запас — запас земли, терпения, мужества, здравомыслия и народного духа, которые в совокупности можно назвать запасом отечественной прочности. В самые тяжкие и трагические моменты истории было куда отступить и чем усилиться, но сегодня... — разве нет у вас ощущения, что все запасы кончились и рассчитывать не на что. Разве к чувству бессилия не начинает примешиваться никогда раньше не испытываемое нами чувство бездомности и сиротства, будто сама Россия уходит у нас из-под ног в неведомое и чужое пространство, расползленное поверх или пониз ее собственного культурного национального тысячелетнего бытия, поверх или пониз всего, что связано с именем России.

Разве нет у нас трагического ощущения, что сегодня мы уже опаздываем, если не опоздали, остановить ее отбуксировку с родного материка, что слишком долго мы бездействовали, когда требовалось наше вмешательство, считали достаточным говорить об укоренении и держаться за исторические, религиозные и национальные начала, даже не проверив их крепость, в то время как другие, более ловкие и смысленные, чем мы отстегивали один за другим теперешние концы и сталкивали огромную машину на воду. Мы рассчитывали на здравый смысл, на нравственное здоровье народа, а они оказались подорванными больше, чем мы подозревали. Впрочем, неизвестно, на что мы рассчитывали, может быть, больше всего на наше любимое «авось», на то, что само как-нибудь устроится.

Когда началось взмывание умов и сердец и расторопные дрессировщики, которые за месяцы из любителей сделали профессионалами, принялись нахлестывать из всех рупоров общественное мнение, загоняя его в единственные открытые ворота, Россия впряме была ждать от нас решительного слова, впряме была ждать его от тех, кому она вручила свой голос и совесть. И она ждала его. Мы или отмалчивались, подавленные свистопляской общественных страстей, или наши одиночные протесты, которые тут же подвергались бомбардировке всех грязеполюющих батарей, звучали вслед событиям и не могли повлиять на их ход. Не только Россию, мы и друг друга не умели защитить, а когда пытались, это напоминало медвежью услугу.

И вот мы здесь, где подводятся итоги. Итожить так итожить, в том числе результаты нашей гражданской работы. Они будут нарастать, хотя нам кажется, что дальше нарастать некуда, что

страна дошла до последнего предела безумства и саморазрушения, но нет, это еще не «ягодки», это пока только еще «цветочки».

А сегодня вот оно...
Во-первых, у России украдено даже имя ее и пущено с молотка на обслуживание всякого рода сомнительных заведений, против нее же направленных: что ни газета или журнал, что ни партия или движение со словом «Россия» — обязательно издевательство над нею, разрушение ее духовного и общенационального миропорядка, традиций и культуры.

Во-вторых, к руководству Россией пришли люди, которые даже не считают нужным скрывать к нам свою неприязнь.

Сегодня свой съезд мы проводим в армейском театре, но опубликованный проект Конституции России дает надежду на то, что в следующий раз нам придется собираться в более романтическом месте и в более сюжетно-увлекательных условиях. Речь в конце концов не о нас, но когда истощенная, обворованная, многоразданная Россия становится разгрызаемой картой в борьбе за власть, когда не кто-то, кто бы он ни был для нее, а она для кого-то, когда избыток ей обещается за счет ее распропажи, подобно тому, как если бы целомудрие гарантировалось при групповом насилии, — надо бы нам, дальновидцам и нравственникам, понимать, что происходит в нашем милом Отечестве и различать, кто есть кто, а не метать громы и молнии без разбору.

В-третьих, патриотизм отменяется. «Патриотизм — это свойство негодяев», — провозгласил наш собрат по перу Ю. Черниченко. Для других патриотизм может быть благодетельным и домостроительным чувством, но как только русский писатель, да и не только писатель, займется о патриотизме, он уже фашист, и чем бы он не оправдывался,

сколько угодно не отмылся — ничего у него все равно не выйдет, и в мире его будут знать не по литературе, а по этой громогласной славе.

В-четвертых, культура разрушается. Что там разрушается... Много ли теперь осталось от культуры, чистым голосом которой так славна была Россия в самые лихие и даже самые болотные времена. Дьявольское, простите, «искусство», «простите» относитесь не к дьявольскому, а к искусству, которое пришло на смену ей, занято тем, как поразить, оглушить, испугать, вызвать из недр человеческого подполья темные страсти. Вот что выметывает из-под своих копыт новоявленный пегас. Можно бы продолжать смотреть на это со снисходительностью — пусть, мол, тешатся неразумные, если бы эти самого дурного свойства замашки так и оставались замашками забияк и не превращались в правила жизни. Откровенность бесстыдства — вот в чем сегодня трезвость взгляда, свобода пошлости, мошенничества, насилия — вот что такое приметы времени.

В-пятых, нравственность

как старуху, раздели доната и, изможденную, изработанную, сморщенную, с обвисшими соснами, проводят сквозь строй молодой растленной плоти, демонстрируя два вида красоты.

В-шестых, молодежь разражается. И это самое страшное, когда начинаешь думать о будущем России. Всякое переживала она, есть надежда, что переможет как-нибудь и перемелет Россия и нынешнее умопомешательство, но как оглянешься назад и посмотришь, с чем, с какими ценностями и идеалами поднимается молодежь, вот тут действительно становится страшно. Где, в какой еще стране общественные опросы способны радовать своих сограждан столь высокими результатами, когда больше половины девочек-девятиклассниц одной из школ мечтают послужить Отечеству на ниве первой древнейшей профессии. А ведь это произошло в считанные годы и произошло не само по себе. Комсомол наш занялся ремеслом сутенера. Немалая часть прессы в подцензурных условиях, судя по всему, до того беднейшая настрадалась, что заблелась «бешенством матки».

Можно перечислять и дальше. Можно называть по порядку и седьмое, и восьмое и десятое, и все это будут не пустяковые и не придуманные увечья на теле и в душе России, которые не скоро зарубуются, да и зарубуются ли еще, неизвестно... Вы все это знаете.

ЕСЛИ три века назад Россия была поставлена на дыбы, то сегодня она поставлена на задние лапы. Я имею в виду не столько попушайничество, хотя и это занятие — поштыдное для великой страны, сколько обезьянничество, не считаясь с психологией и историческим опытом народа обезьянничество в органах управления, в экономике, политике, общественном обустройстве. Трезвые люди на Западе говорят о нас: «Ну хорошо, прорубайте окно в Европу, если вам так нравится, но зачем же на уровне наших помойных ям?»

А посмотрите, полюбуитесь, во что превращается наш могучий, великий, «свободный» русский язык. Какой он, к дьяволу, «свободный», если мы позволили понатаскать в него столько всяких «консенсусов», что какой-нибудь Сидоров Иван Петрович из сибирской деревни, сидя перед телевизором и мучительно вслушиваясь, готов принять их за нечленораздельные иноязычные звуки, ловко замаскированное шевелением губ под умную речь.

Повторяю, вы все это знаете: от картины нашей действительности никому из нас нигде не деться. И если я осмелюсь скороговоркой напомнить очевидные вещи, так для того лишь, чтобы сказать: нет, уважаемые товарищи российские писатели, придется и нам взять вину за происходящее. Мы слишком преувеличивали свое нравственное и духовное влияние на читателя. Оно не было массовым, как нам представлялось. Оно, вероятнее всего, оставалось неглубоким в толще российско-

го населения, но, поскольку это была благодарная и отзывчивая часть, которая писала нам письма, восторгалась нашими героями и ходила на литературные вечера, мы сочли ее за удобренное литературой множество. Если бы это было так, откуда бы взялись десяткам миллионов, которые, сломя голову, кинулись вслед за соблазнами, шарлатанами и авантюристами, за теми, кто подсовывает гаденские картинки, раздает направо и налево обещания красивой жизни и преподает науку ненависти к собственной стране. Откуда взялись сами соблазнаители, можно не задаваться вопросом. Они всегда были, только до поры, до времени жили с фигой в кармане. Но соблазненные... как бы никогда не имевшие чутья, что хорошо и что дурно, что искренность и что игра, как бы даже не сраставшиеся никогда в едином теле и единой душе с Россией, существовавшие где-то поверх и готовые в любой момент прыгнуть на более благополучные пристанище. Их-то почему так много? Да потому, надо думать, что воспитываемые десятилетиями в фарисействе и лжи, они лишь изредка и случайно искушались судьбой своего Отечества и народа, в том числе нашими книгами, но — выстояли: воспитываемые в безлюбие и приспособленчестве, они приспособленцами и становились и прощению не научились.

А МЫ-ТО: самая читающая в мире страна, читаемые писатели. Где плоды этого чтения? Надо признаться: или не было самой читающей, или не завязывались плоды. В том и другом случае придется согласиться, что в самообольщении мы оказались близорукими и не предвидели последствий нарастающего социального зла. Читатель искал в литературе пицци социальной, правды, правды, правды! И пропустил любовь. В духовной

бескормице эпохи, даже и то немногое, что предлагала литература, воспринималось с трудом, ибо все больше и больше начинали атрофироваться сами духовные органы.

И потом — когда началась перестроечная вакханалия, когда, как из кратера вулкана, произошло извержение бесстыдства, цинизма, злости, мы растерялись. Когда требовалось отделить сатанинское от того положительного, что было в этих процессах, ничего внятного долго мы сказать не могли. И потеряли, надо полагать, миллионы и миллионы, которые могли бы быть нашими сторонниками и постоять за Россию. И сегодня многие из нас по-прежнему хотят сохранить нейтралитет. Но нейтралитета по отношению к России быть не может: вы или с ней, или против нее. Как нет и доблести оставаться белоручкой в это смутное и грязное время. «Отечество в опасности» — не просто слова. Повторяя эту фразу как слова, некоторые вчера волюно или невольные принимали сторону тех, кто больше всего эту опасность и несет, кто разваливает страну с помощью так называемой российской дипломатии, шитой белыми нитками, и играет жизнью десятков миллионов россиян, живущих за пределами России, кто выдает нам свои действия за ступень Российского возвышения «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Отечество действительно в опасности. Мы можем завтра проснуться в своих собственных постелях, но уже не в России. Все вокруг будет тем же самым, но чужим, лишенным родного духа и смысла. Допустить мирную интервенцию — позор больше и непоправимей, чем отдать Отечество на полях битвы. Там — наша ответственность, равная со всеми. Здесь — она неизмерима. Это поле нашей деятельности, и если мы сдадим его — грош нам всем цена.

VII съезд писателей РСФСР

В Москве в Центральном академическом театре Советской Армии продолжил работу VII съезд российских писателей. Шел острый аналитический разговор, которым и начался съезд, — в центре внимания писателей судьба Родины, судьба человека. И, безусловно, судьба писателя. По проблемам организационного строительства Союза развернулась острая дискуссия. И это понятно: как жить писателям в будущем — в условиях рынка, налогов, новой издательской политики. Умелая организация жизни Союза писателей может оказать каждому из них хорошую помощь. После того как был принят новый устав Союза писателей РСФСР и Литфонда РСФСР, приступили к выдвижению кандидатов в руководящие органы Союза писателей России. На пост председателя Правления Союза писателей РСФСР выдвинута кандидатура Юрия Бондарева. На пост первого секретаря — Бориса Романова, Александра Проханова, Валерия Рогова. Сегодня последний день работы съезда российских писателей.